

Авторитет Библии в современном богословии

—
Джон Э. Уитмер*

Авторитет Библии – вопрос, с которым неизбежно сталкивается каждый христианский труженик, и который требует рассмотрения и принятия решения. Никакой служитель не может выйти за кафедру, чтобы проповедовать, или пользоваться Писанием в пасторском служении, чтобы наставлять, утешать или увещевать, если только он не поставит и не решит для себя такой вопрос: “Каков авторитет Библии?” Роберт Клайд Джонсон открывает, какую борьбу он, как пастор, испытывал в связи с этим вопросом, когда только приступил к изучению этой сферы¹. Но этот вопрос не ограничивается служителями, по крайней мере, не в тех кругах, где всерьез воспринимают принцип Реформации о праве и обязанности каждого христианина изучать и толковать Библию. Дело в том, что ни один верующий не может читать и изучать Библию в своей личной духовной жизни, чтобы не задать себе тот же самый вопрос и ответить на него.

Однако, вопрос об авторитете Библии свойственен не только богословской обстановке двадцатого века. Этот вопрос в той или иной мере постоянен для христианской церкви. Это особенно верно для протестантской ветви христианства. Как говорит Джонсон, “сам дух протестантизма... вынуждает снова и снова обращаться к этой теме как к новому вопросу при каждом значительном шаге в постоянном развитии богословской мысли”². Когда Беркувер рассуждает о современной задаче реформатской веры, то приходит к выводу, что “одна из первых ее обязанностей – задумываться над авторитетом Библии.” Затем он спешит добавить: “Не то, чтобы вопрос об авторитете Писания был нов”³. Каждому поколению церкви, каждому верующему в Христа придется столкнуться с этим вопросом принять по этому поводу какое-то решение. Если составить выражение в стиле нео-ортодоксального богословия, можно сказать, что вопрос об авторитете Библии – вечно современный.

Его важность сегодня

Однако, в определенном смысле вопрос об авторитете Библии особенно важен для двадцатого века. Опять Беркувер провозглашает: “Вопрос об авторитете, несомненно, это одна из важнейших проблем нашей эпохи”⁴. Он вторит взглядам Джеймса Орра, который предрек, что в двадцатом веке богословское сражение “придется вести... за крепость достоинства и авторитета Священного Писания”⁵. Если только важность некоторого вопроса можно оценивать по количеству посвященной ему литературы (это, определенно, один из хороших критериев), то авторитет Библии – горячий вопрос прямо сейчас и уже на протяжении целого столетия.

На это есть по меньшей мере три причины. Во-первых, это конфликт между приверженцами полного авторитета Библии и сторонниками независимости человека. Это просто еще одно название для продолжающейся битвы между религиозным

*John Whitmer, “Biblical Authority in Contemporary Theology” *Bibliotheca Sacra* 118:469 (Jan 61), С. 59-67. Перевод Андрея Паугас. Переведено и опубликовано с разрешения.

¹Robert Clyde Johnson, *Authority in Protestant Theology*, p. 4.

²*Ibid.*, p. 11.

³G. C. Berkouwer, *Modern Uncertainty and the Christian Faith*, p. 11.

⁴*Ibid.*, p. 49.

⁵James Orr, *The Progress of Dogma*, p. 352.

либерализмом и ортодоксальным христианством – легко узнаваемое противостояние фундаменталистов и модернистов. Либерализм попытался похоронить этот конфликт как уже мертвый, но тело совсем не желает лежать спокойно.

Во-вторых, это попытки со стороны многих церковных деятелей, находящихся под влиянием нео-ортодоксии, построить новое библейское богословие. Для такого построения основополагающее значение имеет вопрос об авторитете Библии. Они не могут оставить Библию в центре христианской веры и служения, пока будут принимать так называемые открытия библейской критики без возражений по этому вопросу. Миллар Берроуз говорит, “что для библейского богословия Библия – нечто большее, чем источник исторических сведений. Мы ищем в ней твердого руководства и вдохновения для себя и для людей, которым мы призваны служить”⁶. Имея в виду эти цели, он заключает: “Следовательно, библейское богословие должно рассматривать вопрос о религиозном авторитете вообще и об авторитете Библии в частности”⁷.

Третья причина важного значения вопроса об авторитете Библии в наши дни – это крайняя нехватка определенности, что еще больше увеличивает желание иметь какой-нибудь авторитетный голос. Такая нехватка была отмечена почти четверть века назад Уолтером Липпманном (Walter Lippmann) в книге «Предисловие к нравственности» (*A Preface to Morals*). Тогда все ограничивалось в основном религиозной сферой, что было смертоносным последствием распространения модернизма, но это внесло определенный вклад, как говорит Берроуз, в “повсеместную нужду в проповеди с авторитетом”⁸. Но теперь это отсутствие определенности преобладает во всех сферах жизни. Беркувер характеризует это как “серьезную опасность для человечества... бедствие, которое сотрясает наши основания и омрачает наш мир”⁹. Тем временем, потребность в авторитете стала выражаться очень громко.

Эти факты подчеркивают важность данного вопроса, его стратегический характер сегодня и необходимость для всех христиан, твердо придерживающихся принципа *sola Scriptura*, со всем вниманием рассмотреть предмет авторитета Библии в современном богословии.

Сферы согласия

В текущей богословской обстановке существует сфера согласия в области религиозного авторитета. Первый факт заключается в том, что окончательный авторитет в богословии – это Сам Бог. Дж. Кемпбелл утверждает, что “высший... источник какого бы то ни было авторитета – это Сам Бог”¹⁰. На другом конце богословского спектра мнений по этому вопросу Бернард Рамм признает, что здесь есть общее согласие, когда говорит, что “большинство книг о религиозном авторитете утверждают, что Бог – окончательный авторитет в религии”¹¹.

Также существует общее согласие, что Господь Иисус Христос необходимо и неразрывно связан с авторитетом Бога. Хотя нет согласия, как именно Господь Иисус Христос обладает этим авторитетом и сообщает о нем, но факт Его авторитета остается. Канлифф-Джонс, например, заканчивает свое исследование главой “Иисус есть Господь”, в которой говорит: “Убежденность в том, что Иисус есть Господь – это та фоновая убежденность, которая должна направлять и контролировать любое

⁶Millar Burrows, *An Outline of Biblical Theology*, p. 8.

⁷*Ibid.*, p. 10.

⁸*Ibid.*, p. 8.

⁹Berkouwer, *loc. cit.*

¹⁰J. Y. Campbell, “Authority,” *A Theological Word Book of the Bible*, Alan Richardson, editor, p. 26.

¹¹Bernard Ramm, *The Pattern of Authority*, p. 19.

христианское изучение Библии”¹². Наконец, тот факт, что этот открытый в Иисусе Христе Божий авторитет некоторым образом сообщается человеку через Библию, имеет общее признание, хотя объяснения здесь могут расходиться очень сильно. Следовательно, вопрос дня такой: “В каком смысле Библия обладает окончательным авторитетом для христианского богослова, так что он не имеет права отступить от нее? Ответ состоит в том, что Библия обладает окончательным авторитетом постольку, поскольку она обладает авторитетом Бога”¹³. Канлифф-Джонс затем утверждает, что его цель – выяснить, что же это за обладание. Данное исследование преследует ту же цель. В нем также будет сделан обзор и оценка основных современных представлений об этом обладании авторитетом.

Взгляды религиозного либерализма

Позиция, которая наиболее широко представляющая религиозный либерализм, принимает за авторитет “истину” и считает Библию авторитетной постольку, поскольку она соответствует истине. В основе этой точки зрения лежит утверждение: “Авторитет Бога – это, в конечном счете, авторитет наивысшей реальности, авторитет объективной истины”¹⁴. Эта позиция обманчиво показывает, будто придерживается внешнего объективного авторитета. Однако, в действительности она лишь вторит непреходящему философскому вопросу, озвученному Пилатом: “Что есть истина?” (Ин. 18:38). Субъективная по сути, эта точка зрения отстаивает антропоцентрический авторитет автономного человека.

Ее субъективный характер открывается в утверждении: “Наивысший авторитет для нас – это то, что вселяет в нас уверенность при самом лучшем нашем рассмотрении”. Далее это называют “свидетельством Духа внутри нас”. Однако, ничего объективного нет, потому что Берроуз продолжает: “И только сам человек может определить, является или нет та уверенность, которую он ощущает, свидетельством божественного Духа истины”. Берроуз предостерегает от использования этого принципа в качестве основания для капризов в толковании Библии по своему усмотрению. Он настаивает, что смысл Библии необходимо определять с помощью “объективной экзегезы”. Но здесь опять нет ничего объективного. Определение смысла Библии с помощью объективной экзегезы не помогает, потому что Берроуз продолжает: “Когда мы установили смысл, мы должны еще решить, истинно ли это”¹⁵. Это означает совершенно субъективный принцип авторитета. Берроуз ставит человека судьей над Библией, а не Библию судьей над человеком. То, что он отвергает такие библейские доктрины, как Троица, божественность Христа и существование ангелов и сатаны как личностей, замечательно это иллюстрирует.

Эта типичная позиция религиозного либерализма имеет много разных вариантов. Некоторые делают принципом авторитетности слово Бога. Однако, надо правильно понимать, как употребляют эту фразу. Ей не придают ортодоксального смысла, относящегося к Священному Писанию во всей полноте. Скорее, так называют божественные обращения, находящиеся в Библии. К. Ж. Каду, говоря о Библии, высказывает такое мнение: “Она определенно *содержит* [курсив его] Слово Бога, а Божье Слово всегда авторитетно”¹⁶. Каду и большинство других, придерживающихся этой точки зрения, также применяют фразу “Слово Божье” ко всей Библии, но лишь в

¹²H. Cunliffe-Jones, *The Authority of the Biblical Revelation*, p. 142.

¹³*Ibid.*, p. 4.

¹⁴Burrows, *op. cit.*, p. 15.

¹⁵*Ibid.*, p. 50.

¹⁶C. J. Cadoux, *A Pilgrim's Further Progress*, p. 10.

том смысле, что Библия – это носитель для записи и передачи сведений о Божьих делах в отношении людей. В этом смысле Библию также называют авторитетной, но это далеко отстоит от ортодоксального смысла. Ричардсон иллюстрирует эту позицию, когда пишет: “Библия авторитетна для нас... потому что Бог говорит Свое слово к нам... через нее”. Он спешит добавить: “Это не значит, что слова слова Библии авторитетны так, как они записаны”¹⁷. И опять сам человек должен на основании некоторого субъективного принципа принимать решение, что является, а что не является Словом Божьим, так что сам человек представляет собой судью над Писанием. Другие разновидности этой либеральной позиции предлагают жизнь и слова Господа Иисуса Христа в качестве принципа авторитета или свидетельства Святого Духа. В каждом из этих случаев результат один и тот же, и сам человек – верховный судья.

Взгляд римско-католического богословия

Современная католическая позиция совпадает с официальным пост-тридентским догматом. Догмат о непогрешимости папы не внес существенных изменений в католическую позицию. Согласно этой точке зрения богодухновенность и непогрешимость Писания считаются полностью ортодоксальными. Такой взгляд, однако, смягчается тем, что равное положение отводится преданию, “незаписанному слову Божьему”. Более того, “Церковь – это орган предания”¹⁸. Католичество предлагает еще один стандарт, который называют учительным авторитетом церкви. Именно этот авторитет и составляет сами догматы. Церковь – это “безошибочный учительный авторитет, который может выносить суждения о Писании”¹⁹. Католики придерживаются мнения, что поиск человеком истины о Боге заканчивается с осознанием того, что она содержится в Писании и предании, согласно тому, как их толкует авторитетная церковь. Фихтер подводит итог их позиции так: “Значит, важнее всего – церковь”²⁰. Это человеческая автономность и субъективный авторитет, замаскированный весомостью общего согласия. И даже это общее согласие Рима иллюзорно, как показали *Sic et Non* Абеяра.

Противореча своему историческому наследию многие протестанты, раньше отвергавшие произвольный авторитет Римского католичества, сегодня подписываются под некоторой формой авторитета церкви. С этой точкой зрения согласны восточные церкви. Булгаков кратко выражает их позицию в утверждении: “Священное Писание может быть Словом Божьим только в Церкви и для Церкви”²¹. Это вполне понятно в таких ориентированных на литургию и таинства общинах. Но западные церковные деятели занимают такую же позицию, соглашаясь с выводом Нейла: “В конечном счете, только в Церкви Библия может быть правильно понята”²². Это сводит авторитет к работе некоторого комитета или к мертвящему историческому преданию.

Взгляд нео-ортодоксии

В современном богословии сторонники нео-ортодоксии предприняли искреннюю и серьезную попытку преодолеть пропасть между автономностью человека и ортодоксальным авторитетом Библии. Признавая антитезу между либерализмом и

¹⁷Alan Richardson, *Preface to Bible Study*, p. 40.

¹⁸Joseph H. Fichter, *Christianity*, p. 55.

¹⁹*Ibid.*, p. 62.

²⁰*Ibid.*, p. 55.

²¹Sergius Bulgakoff, “Revelation,” *Revelation*, John Baille and Hugh Martin, editors, p. 158.

²²William Neil, *The Rediscovery of the Bible*, p. 114.

ортодоксией по этому вопросу, Барт и его последователи стремились выработать синтез. В основе этой позиции стоит отождествление Господа Иисуса Христа как вершины божественного откровения со Словом Божиим. Так, Нейл говорит: “В определенный момент истории разум и замысел Божий был выражен через человеческую жизнь. Как кульминация особого Божьего откровения о Себе человеку, пришел Иисус, воплощение Божьего Слова. Что Иисус делал и говорил, кем Он был и кто Он есть – в этом и состоит Божье Слово человеку. Церковь – хранитель этого Слова, как Библия – его запись. Ни то, ни другое не первично, первичен только Христос. И Церковь, и Библия идут бок о бок как неразделимые свидетели о Христе, находящиеся в подчинении Ему”²³. Подобным образом, Ферре утверждает, что “мы должны взять высший момент Библии, ставшее плотью Слово, чтобы толковать и высвободить остальное”. Он настаивает, что Христос – это “ключ к Библии... в том смысле, что мы должны взять то, кем Он был и чему учил, Божью любовь к людям, и этим озарить все остальное в Библии”²⁴.

Откровение Бога во Христе как Слове Божьем – это стандарт авторитета для христиан. Именно этот авторитет Христа дает Библии авторитет. Ричардсон говорит: “Авторитет Библии заключается в том, что она содержит свидетельство пророков и апостолов о Христе, о том, что Он – Слово Бога”²⁵. Канлифф-Джонс делает сходное утверждение: “Библия авторитетна постольку, поскольку она возвещает евангелие”²⁶. Евангелие – это весть, в центре которой Христос. Его следует приравнивать не к словам Библии о Христе, а к откровению о Христе отдельному человеку посредством Библии, согласно нео-ортодоксии.

Задача этой позиции – достичь синтеза, к которому она стремится, избежать трясины субъективизма и в то же самое время сбросить с себя оковы ортодоксальной строгости. Нео-ортодоксия у разных ее представителей колеблется от близости к объективному авторитету ортодоксии до беззащитного субъективизма. Осознание этой трудности, как ее прочувствовал Карл Барт на амстердамской конференции, побудило его сказать: “Казалось каким-то довольно непривычным требованием, что в церкви необходимо говорить не вообще об ‘уме Иисуса’, но также всегда коренным образом обдумывать и приводить доводы из конкретных библейских текстов и контекстов, и если кто-то выдвигает такое требование, он должен быть готов, что его спишут со счетов как ‘библициста’, ‘легалиста’ или ‘буквалиста’”²⁷.

Даже у отдельных богословов кризиса проявляется то же самое непостоянство в мышлении, что видно в их произведениях. В своей критике представлений Брюннера об откровении Джуитт показывает, как этот представитель нео-ортодоксии раскачивается то в одну сторону, то в другую. “В популярном изложении, – пишет он, – Брюннер может сделать безоговорочную ссылку на нормативный авторитет Писания”²⁸. Однако, продолжая свое рассуждение, он достигает момента, когда ему приходится сказать: “Здесь доктрина об авторитете Библии преуменьшена до полного исчезновения... Поэтому вопрос об авторитете Библии все еще ориентирован в плоскости «либо-либо» между ортодоксией и либерализмом, в которой он его и нашел. Его попытки синтеза, следовательно, должны быть признаны безуспешными”²⁹. Нео-ортодоксия в целом, а

²³*Ibid.*, pp., 113f.

²⁴Nels F. S. Ferre, *Pillars of Faith*, pp. 83-84.

²⁵Alan Richardson, “An Anglican Contribution,” *Biblical Authority for Today*, Alan Richardson and W. Schweitzer, editors, p. 119.

²⁶Cunliffe-Jones, *op. cit.*, p. 19.

²⁷Karl Barth, “Continental vs. Anglo-Saxon Theology,” *Christian Century*, 66:203, February 16, 1949.

²⁸Paul King Jewett, *Emil Brunner’s Concept of Revelation*, p. 168.

²⁹*Ibid.*, p. 172.

также Брюннер как отдельный автор, не могут уклониться от трудностей субъективного авторитета.

Отвержение *Sola Scriptura*

Эти точки зрения представляют основные современные позиции по вопросу авторитета Библии за исключением ортодоксальной церковной доктрины, что Библия как непогрешимое Слово Божье говорит с авторитетом Бога. У современных богословов есть только еще одна точка согласия по этому вопросу. Они единодушны в своем неистовом отвержении ортодоксальной позиции *sola Scriptura*. Льюис проявляет обычное отношение к ортодоксальной позиции, когда пишет: “В противовес непогрешимости иерархии” протестанты “выдвинули непогрешимость Библии. Их девизом было: ‘Книга, вся Книга, ничего кроме Книги’. Так зародилась библиолатрия [поклонение книге. – Перев.]”³⁰. Подобно этому, Додд утверждает: “Никто, если только он не ослеплен суеверием библиолатрии, никак не может принимать за истину, в том виде, как они стоят, многие детали ветхозаветных пророчеств”³¹. Он приводит вывод всего современного богословия, помимо ортодоксального лагеря, когда заявляет: “Любая теория богодухновенности Библии, которая полагает, что нам следует признавать такие высказывания как авторитетные для нас, сама по себе обречена”³².

Ортодоксальная позиция *sola Scriptura* – единственная, которая избегает хаоса и анархии человеческой автономии. Это единственная логически и духовно удовлетворительная позиция. Ее смысл, содержание и основание будут рассмотрены позже в статье под названием “Авторитет Библии”.

³⁰Edwin Lewis, *The Biblical Faith and Christian Freedom*, p. 32.

³¹C. H. Dodd, *The Authority of the Bible*, p. 127.

³²*Ibid.*, p. 128.